

Приложение

СОЗДАТЕЛЬ ГЕРБА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(Барон Б.В. Кёне: штрихи к портрету)

Личность и труды барона Бориса Васильевича Кёне получили в геральдической историографии крайне резкую отрицательную оценку. Такая репутация сложилась у Кёне еще при жизни, но в дореволюционный период отношение к его деятельности было более взвешенным, вплоть до появления в 1915 г. большой работы П.И. Белавенца об истории государственного герба в имперский период, по сути являвшейся запоздалой полемикой по поводу кёневского варианта герба и особенно актуальной для периода Первой мировой войны, когда обострилась борьба со всем немецким и австрийским. Позиция Белавенца вкупе с негативной характеристикой личности Кёне многими его современниками повлияла и на современную историографию. Практически в каждом труде по истории государственной геральдики России авторы отзываются о создателе имперского герба с саркастической неприязнью и каждый считает своим долгом привести отрывок из так называемой «Археологической оды» Е.Е. Люценко, написанной в 1870 и 1878 гг. и посвященной бар. В.Г. Тизенгаузену, весьма популярной в свое время в научных кругах [«Различных государств кресты / На шее у него болтались, / Развешенные в три ряда, / Здесь было все: медали, знаки / И даже, наконец, звезда / Персидской бешеной собаки (имеется в виду персидский орден Льва и Солнца. – Е.П.)... Берлинский партикулярист, / Шпион по иностранной части, / Как самозванный геральдист / Добился он на службе власти» и т. д.]. Впрочем, цитируется она крайне избирательно и далеко не в лучших своих местах²⁵⁸.

Такое единодушие, основанное на заранее сформированном мнении, не позволяет более трезво, без излишней эмоциональной экзальтированности оценить вклад Кёне в

российскую науку и геральдическую практику. Работ, посвященных этой теме, за исключением небольшого текста С.Л. Плотникова²⁵⁹, практически не имеется. Целью данного очерка является краткий обзор истории жизни и деятельности Кёне, одного из самых любопытных деятелей истории российской геральдики.

Бернгард Карл (в России Борис Васильевич) Кёне (4/16.7.1817, Берлин – 5.2.1886, Вюрцбург, Бавария)²⁶⁰ родился в семье тайного государственного архивариуса, берлинского еврея, принявшего реформатское вероисповедание²⁶¹ (сам Кёне и его сын остались протестантами, несмотря на то что связали свою жизнь с Россией, а внук уже был православным). Он рано увлекся нумизматикой и свою первую работу в этой области («Монетное дело города Берлина»)²⁶² опубликовал в возрасте 20 лет, когда еще был учеником берлинской гимназии имени Фр. Вердера. Затем Кёне учился в Лейпцигском и Берлинском университетах, в 1841 г. защитил диссертацию о монетах Фридриха II Бранденбургского и получил звание приват-доцента Берлинского университета по кафедре нумизматики и археологии. Он также стал одним из активных деятелей, а затем и секретарем Берлинского нумизматического общества, а в 1841–1846 гг. руководил изданием журнала по нумизматике, сфрагистике и геральдике²⁶³. Вообще Кёне имел превосходные организаторские способности и, в частности, умел хорошо поставить издательское дело, что впоследствии пригодилось ему в России²⁶⁴.

С Россией Кёне заочно познакомился еще в начале 1840-х годов. Известный нумизмат Яков Яковлевич Рейхель, служивший в Экспедиции заготовления государственных бумаг, владелец одной из крупнейших нумизматических коллекций, обратил внимание на молодого человека, вскоре ставшего его помощником в собирательстве и «представителем» в немецких нумизматических кругах. После окончания университетского курса Кёне впервые приехал в Петербург. В Берлин он вернулся с твердым желанием поступить на русскую службу и выступил претендентом на свободную тогда кафедру археологии в Петер-

бургской Академии наук (чего так и не произошло). В результате протекции Рейхеля 27 марта 1845 г. Кёне был определен помощником начальника Первого отделения Императорского Эрмитажа (Первое отделение включало собрания антиков и монет, им руководил крупный нумизмат Флориан Антонович Жиль) с чином коллежского асессора [к концу жизни Кёне дослужился до тайного советника (1876)]. Следует подчеркнуть, что именно в это время, во второй половине 1840 – начале 1850-х годов в Эрмитаже велась самая активная работа (под непосредственным руководством Николая I) по созданию собственно музея, открытого для публики, в новом здании (Новый Эрмитаж), строившемся по проекту Лео фон Кленце.

В Петербурге Кёне развил бурную деятельность. Упорное желание попасть в Академию наук, причем по археологическому «направлению», стимулировало не только активное изучение им археологии, но и его не менее активную организаторскую работу. Стремясь обрести нужный вес в научных кругах, Кёне выступил инициатором создания в России специального нумизматического общества, но поскольку археология неизбежно привлекала его, он соединил две эти науки под одним «административным» названием – так появилось Археологическо-Нумизматическое общество в Петербурге (позднее Русское Археологическое общество), наименование которого Кёне попытался объяснить уже на первом его заседании (17 июня 1846 г.), подчеркивая тесную связь археологии и нумизматики. Президентом общества согласился стать герцог Максимилиан Лейхтенбергский, вице-президентами стали Жиль и Рейхель, секретарями – И.А. Бартоломей и Кёне. По сути, вся организационная работа легла на плечи предприимчивого иммигранта, который сразу же постарался придать ей как можно более широкий размах. Работа в обществе выявила несколько характерных черт деятельности Кёне. Во-первых, он сумел организовать издание «Записок» общества, шесть томов которых увидели свет в 1847–1852 гг. Во-вторых, Кёне отличала большая научная активность, он выступал практически на каждом заседании, а его интересы были

крайне разнообразны. Достаточно сказать, что когда в разросшемся обществе в 1851 г. образовались три отдела (русской и славянской археологии, восточной археологии, древностей и западной археологии), Кёне записался во все три и в третьем был избран секретарем. Наиболее крупной его научной работой этого периода стала книга «Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического» (СПб., 1848). В-третьих, Кёне стремился пропагандировать себя и общество в европейском масштабе. На нем лежала вся переписка с иностранными учеными. Работы самого Кёне известны на семи языках. А иностранные научные общества неизменно принимали его в свои члены, так что к концу жизни он являлся членом 30 зарубежных обществ и академий (в Петербургскую он так и не попал). Кстати, ориентированность на Запад привела к тому, что Кёне старался не допускать на заседаниях докладов на русском языке (только на французском и немецком, издание «Записок» общества осуществлялось на французском, немецком и русском языках), и лишь после того как в общество вступил этнограф и археолог Иван Петрович Сахаров (1807–1863), русский язык был восстановлен в своих правах. В период деятельности Кёне в обществе и его работы в Эрмитаже открылась еще одна его, нелицеприятная, черта, отталкивавшая многих общавшихся с ним людей – «искательство», стремление заручиться поддержкой значительных фигур чиновного мира. И действительно, со временем Кёне сумел войти в доверие и к гр. В.Ф. Адлербергу, и к гр. П.А. Шувалову, пользовался расположением сына министра народного просвещения, известного археолога гр. А.С. Уварова. Он, кроме того, помогал им собирать нумизматические коллекции, приобретая репутацию ловкого дельца, успешно занимавшегося скупкой и продажей монет. Видимо, эта деятельность и привела к тому, что 2 апреля 1850 г. Кёне был перемещен во Второе отделение Эрмитажа (картинная галерея). Одновременно он предпринимал шаги, чтобы закрепить на геральдическом поприще, поступив на службу в департамент Герольдии Правительствующего Сената.

Карьера Кёне в Русском Археологическом обществе оборвалась с приходом нового августейшего руководителя Великого князя Константина Николаевича. Он не утвердил избрание Кёне секретарем третьего отдела общества (единственный случай за всю историю общества), в результате чего в начале 1853 г. Кёне покинул его ряды. Константин Николаевич, видимо, вообще питал к Кёне устойчивую неприязнь. В частности, он неодобрительно отнесся к проекту государственного герба 1856–1857 гг. Н.И. Веселовский так оценил роль Кёне в истории Русского Археологического общества: «Во всяком случае, следует заметить, что наше Археологическое общество очень многим обязано Кёне. Он с первых же дней существования общества сделался одним из самых усердных его сотрудников. Не много прошло заседаний, в которых мы не видели бы участия Кёне, то сообщавшего свои исследования по разным вопросам археологии, то изыскавшего классические древности и монеты, поступавшие в Императорский Эрмитаж или находящиеся в частных собраниях, то дававшего разные более или менее интересные заметки. На нем лежала первое время иностранная переписка, и он же состоял редактором *Mémoires*’ов во все время их выхода. И надо сказать, что удаление Кёне оставило в обществе существенный пробел, который долго никем не был восполнен»²⁶⁵.

Вторая половина 1850-х годов – это триумф Кёне в Герольдии, когда он в 1856 г. создает Большой государственный герб империи, а в июне 1857 г. становится управляющим Гербовым отделением при департаменте (с оставлением в должности по Эрмитажу). Возглавив всю практическую работу в области российской геральдики, Кёне в течение последующих лет начал масштабную геральдическую реформу, стремясь унифицировать и придать системность корпусу российских родовых и территориальных гербов путем приведения их в соответствие с правилами европейской геральдики (например, поворот фигур в правую геральдическую сторону; замена некоторых, казавшихся ему не подходящими для геральдики фигур иными и т. д.) и введения новых принципов и элементов (помещение

губернского герба в вольную часть городского, система эмблем внешней части территориальных и городских гербов, отражающих их статус и т. д.)²⁶⁶. Кёне принадлежит также и авторство черно-желто(золотого)-белого государственного российского флага, решенного в цветах главной фигуры и поля щита российского государственного герба (черный орел в золотом поле)²⁶⁷. Но, несмотря на успешность практической геральдической деятельности, научная репутация Кёне в те же годы оказалась безнадежно испорченной. Летом 1858 г. в королевском минц-кабинете в Стокгольме Кёне обнаружил древнерусскую монету. Интерпретировав ее как монету князя Олега, он поспешил оповестить о сенсационной находке научный мир и натолкнулся на твердые и аргументированные возражения А.А. Куника. Куник однозначно и абсолютно верно определил монету как сребреник Ярослава Мудрого с изображением Георгия Победоносца, Кёне не воспринял критику и стоял на своем – в печати развернулась острая дискуссия. К ней подключился В.В. Стасов, раздувший ее до масштабов настоящего научного скандала. Кёне обвиняли в недопустимо оскорбительном тоне. Примером этого считали слова «первооткрывателя», что ему безразлично мнение чиновников минц-кабинета Эрмитажа (где служил Куник), поскольку, дескать, «никто из них до сих пор не издал в свет никакого сочинения по Нумизматике» (имелся в виду прежде всего Куник)²⁶⁸. Со временем страсти улеглись, но научное реноме Кёне было испорчено²⁶⁹.

Между тем продолжалась и эрмитажная деятельность Кёне. В январе 1864 г. он был назначен советником по ученой части Эрмитажа. В 1866 г. издал с небольшими комментариями репродукции хранящихся в Эрмитаже картин Леонардо да Винчи и Рафаэля, в следующем году «Галерею портретов Дома Романовых» – знаменитую Романовскую галерею Зимнего дворца. В конце 1870-х годов Кёне совершил действительно значимое научное открытие. Благодаря «фрагментальному анализу и исследованию документальных материалов ему удалось выяснить историю покупки Екатериной II коллекции картин берлинского коммерсанта

И.Э. Гоцковского в 1764 г.²⁷⁰ Приобретение коллекции считается началом истории Эрмитажного музея, и этой датой, вошедшей сегодня во все путеводители и издания по Эрмитажу, мы обязаны именно Кёне. Одна из последних крупных работ Кёне (1882) рассматривала историю дипломатических отношений российского и прусского дворов с середины XVII по середину XVIII в. включительно.

15 октября 1862 г. Кёне было позволено принять баронский титул, пожалованный 12/24 мая того же года правительницей (за малолетством принца Генриха XXII) княжества Рёйсс-Грейцского Каролиной-Амалией²⁷¹. В литературе можно встретить утверждение, что этим титулом Кёне обязан созданному им государственному гербу Российской империи²⁷², но эти данные нуждаются в подтверждении. Скорее всего, предприимчивый нумизмат просто купил права на этот титул и таким образом стал, наверное, единственным в России бароном «Рёйсс-Грейцским».

Звезда Кёне закатилась в начале царствования Александра III. В июне 1883 г. барона отчислили из состава коронационной комиссии. В апреле 1885 г. он, получив отпуск, уехал за границу «на лечение», где и умер. Потомки Кёне находились на военной службе. Сын – Борис Борисович (1846–?), гвардейский офицер, полковник (1889), участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.²⁷³ Внук – тоже Борис Борисович (1872 – после 1931), выпускник Николаевского кавалерийского училища – дослужился до генерал-майора, воевал у белых, в эмиграции жил в Югославии и Болгарии²⁷⁴. Пока не удалось выяснить, здравствуют ли его потомки в настоящее время.